

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ****THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS**

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА**Владимир М. Алпатов**Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Языки вне основной территории имеют четыре функции: мировых языков, региональных языков, контактных языков и языков диаспоры. Русский язык имеет все эти функции. Мировая роль русского языка была бесспорна в советское время, он был основным соперником английского языка, однако после поражения Советского Союза в холодной войне международная роль русского языка сократилась. Региональная роль русского языка остается в отделившихся частях бывшего СССР, но она также уменьшается. При этом возросли повседневные контакты на русском языке людей разных национальностей (торговля, курорты и др.). Кроме того, русский язык стал языком меньшинств в новых государствах на территории бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: функции языка, мировой язык, региональный язык, контактный язык, язык диаспоры, русский язык

THE INTERNATIONAL ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE**Vladimir M. Alpatov**Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Languages have four functions outside their basic territory. These functions are the function of the world languages, the function of the regional language, the function of the contact language and the function of the diaspora language. The Russian language has all these function. The world role of Russian was indisputable in the Soviet time; it was the main competitor of English. However, the international role of Russian diminished after the defeat of the Soviet Union in the cold war. The role of the regional languages remains in the territory of separate parts of the former USSR but it is reducing too. However, everyday contacts of people of different nationalities (commerce, health resorts, etc.) on Russian are increased. Besides Russian has become the language of minorities in the new states on the territory of the former Soviet Union.

Keywords: language functions, world language, regional language, contact language, diaspora language, the Russian language



Функции языка за пределами его основной территории могут быть сведены к четырем: функция мирового языка, функция регионального культурного языка, функция контактного языка и функция языка диаспоры. Далеко не все языки обладают всеми перечисленными функциями, но русский язык в прошлом выполнял и в некоторой степени и сейчас выполняет все эти функции.

Функция мирового языка

Такой язык имеет международное значение для всех государств мира или, по крайней мере, для их большинства. Он является официальным языком международных организаций, тексты на нем имеют международную известность, международный престиж языка устойчиво высок. Очевидные примеры – английский язык и в некоторой степени французский язык.

В недавнем прошлом эта функция русского языка была неоспорима. Особенно она была значима в эпоху «холодной войны», когда шла борьба двух моделей жизнеустройства, связанных, прежде всего, с английским и русским языками. Мировая роль русского языка в то время имела, в первую очередь, три слагаемых, которые можно условно назвать «языком Ленина», «языком Гагарина» и «языком Достоевского». Как мне говорили японские лингвисты, в Японии в 1960-е годы среди студентов-естественников считалось нужным осваивать русский язык. Пользовалась престижем и русская литература, которую в мире читали и в переводах, и в оригинале. Разумеется, интерес к русскому языку мог быть связан и со стремлением знать язык противника.

После победы США и их союзников в 1989–1991 гг. в «холодной войне» ситуация резко изменилась. Мировая роль английского языка еще более усилилась, а соответствующая роль русского языка снизилась. Главную причину снижения, о которой у нас не всегда любят говорить, четко указали в 2005 г. на конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы в Вероне (Италия): «Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие» [Глобус, 2006].

Говоря о «языке Ленина», я имею в виду не только язык, на котором выражены коммунистические идеи, но язык любых философских, политических, социальных идей, любых способов объяснения мира и планов его переустройства. В мире были известны (в Азии даже, пожалуй, больше, чем в Европе и тем более в Америке) и М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Л.Н. Толстой (не только как писатель, но и как мыслитель). Несмотря ни на что, в мире и сейчас есть и коммунисты, и троцкисты, а в Японии заметны толстовцы. Даже работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» известна и сейчас и обсуждается в Японии, Индии и других странах. В целом влияние русских мыслителей было сильнее для левых, чем



для правых. Сейчас я не могу назвать ни одного столь популярного современного русского мыслителя. А.Д. Сахаров воспринимается исключительно как политический деятель, а А.И. Солженицына принимали как политика и отвергали как мыслителя.

Российская наука, безусловно, до некоторой степени сохраняет международное значение и сейчас, но все же и ее роль понизилась. Пример освоения космоса общеизвестен, но вот гуманитарная наука советского периода, которая в самой России нередко сейчас рассматривается исключительно как наука, которая «была наглухо изолирована от остального мира и под присмотром партийного аппарата вынуждена была возвращаться в кругу давно устаревших идей» [Илизаров, 2003: 186]. Но на Западе и сейчас уважаемы имена Л.С. Выготского, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, В.Б. Шкловского и др. Изучают и советскую лингвистику, в том числе марксистскую (Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев, Л.П. Якубинский и даже Т.П. Ломтев). А среди наших современных лингвистов российские ученые в основном если и известны за рубежом, то как специалисты по частным областям, главным образом по языкам России или бывшего СССР: русисты, тюркологи, кавказоведы и др., но не как теоретики.

Что касается литературы, то, конечно, русская классика остается значимой. Вот «список произведений русской литературы, вышедшей в различных издательствах Японии в 90-е годы» [Герасимова, 2004: 234–235]: из литературы XIX в. дважды издавался А.С. Пушкин (в том числе «Евгений Онегин» в виде подстрочника), дважды Н.В. Гоголь и один раз А.П. Чехов (оба как драматурги) и книга забытого у нас писателя С.В. Максимова. Ни Л.Н. Толстой, ни Ф.М. Достоевский не издавались ни разу. Позже, правда, кое-что выходило, а новый перевод «Братьев Карамазовых» даже попал в списки бестселлеров, но в издании текст был сокращен и добавлено было изложение суворинской версии о казни Алеши. В фильме начала XXI в., где действие происходит в конце 1950-х годов, такой диалог: «– Я был на войне, а ты нет. – Зато ты не читал русскую литературу». То есть русская литература – такое же воспоминание о прошлом, как мировая война. Литература XX в. издается несколько больше (играет роль, например, тот факт, что среди известных русских писателей последнего полувека сразу двое – Аркадий Стругацкий и Борис Акунин – профессиональные японисты, и их (Стругацкого, естественно, вместе с братом) там довольно часто издавали). И много издавался Солженицын.

Но в целом в Японии отвыкли и воевать, и читать литературу бывшей великой державы, в том числе и в оригинале. Для кого-то, разумеется, и сейчас русская литература интересна сама по себе, вне связи с итогами «холодной войны», но общая ситуация сказывается во многих странах.



Академик В.Н. Топоров писал в 1989 г.: «Настоящее время – тот рубеж, после которого (и тут не надо быть пророком) взаимное знакомство двух культур, роль литературных связей, появление новых форм культурных контактов и взаимопроникновение – взаимообогащение этих культур будет возрастать очень быстро» [Топоров, 1989: 49]. И даже: «Вероятно, с точки зрения XXI века все, что достигнуто пока, будет отнесено к предыстории русско-японских культурных связей или к самому начальному периоду их истории [Топоров, 1989: 51]. Ученому казалось, что главное препятствие – коммунистическая идеология, а без нее все само собой наладится. Но случилось обратное, и пока быстрое взаимообогащение не происходит, это относится и к сфере языка.

Русский язык остается языком многих международных организаций, включая ООН. Он может быть и языком общения между носителями самых разных языков. Пишут, например, что на саммите НАТО в 2008 г. канцлер ФРГ А. Меркель и государственный секретарь США К. Райс «стояли отдельно от мужчин и громко разговаривали между собой по-русски – на этом языке они обе говорят свободно» [Зыгарь, 2021: 188].

Однако такая ситуация – наследие прошлого, обе собеседницы учили русский язык в советское время. Языковые привычки очень инерционны, но смена поколений прекращает такие ситуации, если они не будут подпитываться извне. Конечно, есть непредсказуемые факторы, например знаменитый писатель может появиться где угодно. Но очевидно, что у «такой же страны, как все другие», шансов на мировую роль своего языка меньше, чем у сверхдержавы.

Функция регионального культурного языка

Такой язык выполняет те же функции, что мировой, но в ограниченном масштабе. Например, португальский язык никогда не был мировым, но в бывших португальских колониях в Африке его культурная роль сохраняется. Чаще всего региональный культурный язык – либо язык бывших колонизаторов, либо ранее господствовавший язык распавшегося многонационального государства: постсоветская ситуация или ситуация после распада Австро-Венгрии. Культурная роль такого языка может сохраняться долго. По крайней мере, в конце 1990-х годов в Венгрии среди иностранных языков по значению на первом месте оставался немецкий язык, хотя эта страна вне немецкоязычной зоны с 1918 г. На втором месте был русский язык и лишь на третьем месте английский. В предельном случае региональный язык, особенно если он одновременно и мировой, может вытеснить из сфер общения национальный язык, так произошло с английским языком в Ирландии.



Русский язык исполнял данную функцию наряду с функцией мирового языка и до революции, и в советское время, и сейчас. Как бы ни относились к нему в прибалтийских странах, общение, например, между соседствующими латышами и эстонцами во многих случаях происходит на русском языке; разумеется, с ним конкурирует английский, но пока среднее и старшее поколение там обычно русский язык знает лучше. Знание русского языка было распространено и в ряде стран Азии и Африки, где немало выпускников советских вузов, где в отличие от Европы, США и Канады и сейчас преобладает положительное отношение к русскому языку, который там играл и отчасти играет сейчас роль «окна в мир». Престижность русского языка, однако, резко падает там, где господствует стремление поскорее вписаться в Европу, освоить европейскую систему ценностей. Это особенно заметно в прибалтийских государствах и странах бывшего Варшавского договора, а в связи с государственной политикой усилилось в последние годы и на Украине. Однако в большинстве украинских земель, кроме западных областей, господствует двуязычие и до украинского одноязычия далеко. Несколько лет назад я наблюдал в Киеве такую ситуацию: таксист и пассажир-киевлянин вели оживленный диалог, при этом шофер говорил по-украински, а пассажир по-русски. Никаких трудностей в общении ни у кого не было.

Однако Украина и еще в большей степени Белоруссия, где пока языковая ситуация похожа на ирландскую с русским языком на месте английского, – особые случаи. А, например, Туркмения, где и в советское время уровень владения русским языком был невысок, по-видимому, окончательно вышла из зоны распространения русского языка. В целом везде, кроме Белоруссии (где ситуация может резко измениться в случае победы противников А.Г. Лукашенко), с разной скоростью идет процесс вытеснения русского языка в данной функции.

В последнее время процесс глобализации не только уменьшает количество мировых языков, но и сглаживает различия между мировыми и региональными культурными языками. Предлагается в обеих функциях использовать английский язык. Этому противостоят не только политические, но и психологические факторы. Люди, привыкшие к какому-либо определенному языку, обычно нелегко его меняют. По данным Левада-центра, относящимся к 2010 г., о свободном владении английским языком заявляли 9 % россиян [Новая газета]. И это не только в России. К чемпионату мира по футболу 2018 г. у нас подготовили довольно много переводчиков с английского, но выяснилось, что гости из Японии или латиноамериканских стран, как правило, не владели английским языком, а переводчики с японского или испанского подготовлены не были.



Функция контактного языка

Ситуации, когда носители разных языков должны вступать друг с другом в общение, очень многообразны: торговля, трудовые миграции, сфера отдыха и т.д. Все это не культурные, а бытовые сферы. Способы общения могут быть разные: использование мирового или регионального языка культуры (обычно более престижного, чем материнские языки собеседников), выработка особого контактного языка (пиджина), общение на разных, но взаимопонятных языках (см. выше пример с киевским такси). Однако может использоваться и материнский язык одного из собеседников, которым бывает и «язык такой же страны, как все другие». В советское время роль русского языка в данной функции была невелика: приграничное общение сдерживал пограничный режим, а за границу советские граждане выезжали сравнительно редко, а если выезжали, то чаще с переводчиками. Теперь эти контакты резко возросли при сокращении культурных функций. Например, при неразвитости курортов в России распространился отдых в Турции, Греции и других странах. Но, как уже говорилось, процент владеющих даже английским языком россиян невелик, и в этих странах появился новый вид бизнеса: отели с русскоговорящим персоналом. С другой стороны, в России русским языком на бытовом уровне приходится овладевать гастарбайтерам.

То есть международная роль русского языка как языка великой державы сменяется его международной ролью, свойственной языкам стран, «таких же, как и все другие».

Функция языка диаспоры

Хотя культурные функции русского языка сужаются, но общее количество граждан, владеющих русским языком, в ряде стран увеличивается. Растет эмиграция из России и некоторых других частей бывшего СССР. Эмигранты, разумеется, сохраняют владение русским языком (хотя некоторые из них готовы его забыть), но независимо от отношения к нему они далеко не всегда передают его детям. Другая часть русскоязычного населения – люди, сменившие государство пребывания из-за изменения границ. Их чувства еще тридцать лет назад выразил живший в Харькове ныне покойный русский поэт Б. Чичибабин: «Я родины не покидал, за что ее лишен?». Для многих встала проблема выбора между сохранением места жительства и сохранением привычной, в том числе языковой среды. Политика власти (кроме Белоруссии) сводится в основном к вытеснению русского языка из культурных сфер при сохранении только в бытовом общении русского меньшинства. Различия между политикой разных государств если и разнятся, то в связи с отношением к русскому языку титульной нации: на одном полюсе Киргизия, где национальная элита нередко знает русский язык лучше киргизского, на другом полюсе – Прибалтика и Туркмения. Сами русские, как правило,

существенной политической роли не играют. А принудительно учить язык тяжело, особенно если он раньше казался менее престижным, чем русский язык. Ситуация сложная и требует более подробного рассмотрения.

Мировое русскоязычное культурное пространство сужается и держится больше на традициях и инерции прошлого, чем на новых успехах. В то же время расширяются позиции русского языка как контактного и языка диаспоры. Но если Россия хочет сохранять мировые позиции своего языка, она должна предъявлять миру то, что никто другой предъявить не может. У нас были и Достоевский, и первый космический корабль. И важно, чтобы это находило продолжение.

О рассматриваемых здесь проблемах также см. мою статью [Алпатов, 2011].

Литература

- Алпатов В.М.* (2011) Роль русского языка в современном мире: Состояние и перспективы // VI Междунар. науч. конференция «Язык, культура, общество». Москва, 22–25 сентября 2011 г. Пленарные заседания. С. 9–14.
- Герасимова М.П.* (2004) Современные литературные связи в Японии // Россия и Япония: Соседи в новом тысячелетии М.: АИРО-XXI.
- Глобус.* (2006) Бюллетень международной информации ИТАР-ТАСС. М. №5.
- Зыгарь М.В.* (2021) Вся кремлевская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература.
- Илизаров Б.С.* (2003) К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. № 5..
- Новая газета (2010). 28.06.
- Топоров В.Н.* (1989) Россия и Япония на встречах путях // Народы Азии и Африки. № 5.

Reference

- Alpatov, V.M.* (2011) Rol' russkogo jazyka v sovremennom mire : Sostojanie i perspektivy [The role of the Russian language in the modern world : The state and perspectives] // VI Mezhdunar. Nauch. konferencija «Jazyk, kul'tura, obshhestvo». M. 22–25 September 2011. Plenarnye zasedanija. P. 9–14. (In Russ.)
- Gerasimova, M.P.* (2004) Sovremennye literaturnye svjazi v Japonii [The present-day literature interactions in Japan] // Rossija i Japonija: sosedi v novom tysjacheletiju M.: AIRO-XXI.
- Globus* (2006) Bjulleten' mezhdunarodnoj informacii ITAR-TASS [Bulletin of international information ITAR-TASS]. M. (In Russ.)
- Zygar, M.V.* (2021) Vsja kremlevskaja rat': Kratkaja istorija sovremennoj Rossii. [The whole Kremlin army. Brief history of modern Russia] M.: Intellektual'naja literature. (In Russ.)
- Ilizarov, B.S.* (2003) K istorii diskussii po voprosam jazykoznanija v 1950 godu [On the history of the discussion on linguistic questions in 1950] // Novaja i novejschaja istorija. No. 5. (In Russ.)
- Novaja gazeta (2010). 28.06. (In Russ.)
- Toporov, V.N.* (1989) Rossija i Japonija na vstrechnyh putjah // Narody Azii i Afriki. No. 5. (In Russ.)



Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель сектора Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Алпатов В.М.* Международная роль русского языка [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 15–22. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22

For citation: *Alpatov, V.M.* The international role of the Russian language [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22